

МОЯ СУББОТА - ЗОВ ДУШИ МОЕЙ

Хай Ханука sameax!

ПРОЕКТ ДНЕПРОПЕТРОВСКОЙ ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЫ

Слово - раввину

Последний день праздника обычно называют Зот-Ханука («это - Ханука»). Тому есть причина: фрагмент из Торы, который читают в этот день, начинается словами «это - освящение жертвенника...»

Но не может быть, чтобы у этого необычного названия дня не было и символического объяснения. Видимо, в последнем дне праздника

заключена в особой полноте вся его суть. Именно на этот день наша традиция (а «традиция Израиля - тоже Тора») указывает и говорит: «Это - Ханука!»

Вернемся к тем временам, когда велись дискуссии между школами Шама и Гилеля. Как мы помним, между ними не было спора о том, сколько дней следует праздновать Хануку или сколько свечей

Это - ХАНУКА

Из трудов Любавичского Ребе;
краткое адаптированное изложение

в этот праздник зажигать. Спорили они, если можно так сказать, о направлении, тенденции праздничного ритуала. Мудрецы школы Шама говорили: число свечей должно убывать ото дня ко дню (восемь, семь, шесть... одна). А их оппоненты установили правило «чем дальше, тем больше света» (одна свеча, две, три... восемь).

Одно из объяснений этого разногласия таково: школа Шама исходит из того, что число свечей должно отражать потенциальную картину: сколько, условно говоря, света осталось до конца праздника. Школа Гилеля связывает число свечей с «накоплением света», поэтому оно и растет ото дня ко дню.

Абудрагам приводит акронимическое толкование слова Ханука, которое является аббревиатурой слов: «восемь свечей и закон по установле-

нию школы Гилеля».

То, что в самом названии праздника мудрецы усмотрели намек на правоту Гилеля, наводит нас на мысль, что, по их мнению, Ханука должна интерпретироваться именно так: праздник реального, а не потенциального света.

Это может показаться неожиданным, но учителя хасидизма связывают спор школ Гилеля и Шама о потенциальном и реальном с фундаментальной дихотомией: Тора и заповеди. И Тора, и заповеди даны еврейскому народу Всевышним и могут многое рассказать и о Дарующем, и о принимающих дар. Тора обычно называется Торой Всевышнего, но порой она названа и Торой человека - если тот столь усердно изучал Закон, что превратил его в «свой», впитал всей душой. То же верно и в отношении заповедей: можно говорить о

заповедях Всевышнего, но после того, как они исполнены человеком с любовью, старанием и самоотверженностью, сами заповеди становятся его достоянием.

По мнению школы Шама, и Тора, и заповеди должны всегда рассматриваться в их потенциальном состоянии, на уровне Дарующего.

Школа Гилеля предпочитает говорить о «наших» Торе и заповедях, со всем их несовершенством, отражающим слабость человека.

Очевидно, что если мы последуем за домом Гилеля, то будем вынуждены признать: самая полная и совершенная заповедь не оказывает на мир явного влияния, пока она не исполнена. Иными словами, свеча, которую еще не зажгли, не добавляет в этом мире света и не рассеивает темноту.

И если это верно в отношении всех заповедей, то особенное значение подход Гилеля приобретает в контексте Хануки. Этот праздник в большей мере, нежели другие, был «создан» активными усилиями людей: героизмом и самоотверженностью в боях. Именно поэтому и назван

день, в который горят все свечи, странным именем «это - Ханука».

Мы привыкли думать о религии как о созерцании, переживании, вере. Это все правильно, но тот, кто хочет понять дух и букву иудаизма, должен хорошенько усвоить правило мудрецов: «главное - действие» («Авот», 1:17).

И когда закон говорит, что еврей должен зажечь светильник, не следует пускаться в аллегорические толкования. Они, разумеется, не помешают и обогатят наше понимание Торы и заповедей, но не заменят действия. Всякий раз, когда хочется поговорить об абстрактном и высоком, проверим прежде по Гилелю: сделано ли дело, не позабыли ли зажечь огонек.

Изложение
р-на А.ФЕЙГИНА
ru.chabad.org

Рав Шломо Залман Вайс

Краткое изложение законов лечения в шабат

Запрещено человеку принимать на себя устроение и соблюдать Шабат в ситуации смертельной опасности. Если больной хочет принять на себя устроение - следует его убедить в том, что это глупое устроение.

4. Все эти вещи разрешаются только для «человека, который слег в кровать». Имеется в виду, что он не может продолжать функционировать и ходить так же, как раньше. Или когда эта болезнь настолько сильна, что больной чувствует, что все его тело болит. Но в случае, когда больной функционирует в состоянии близком к обычному, а боль чувствует только в определенном органе тела - в таком случае не разрешается нарушать запрет Торы даже при помощи нееврея⁴⁰.

Однако попросить у нееврея нарушить запрет мудрецов разрешено в любом случае существенных болезненных ощущений. Но если у больного только легкое недомогание, то и это запрещено⁴¹.

5. В запрет просить нееврея нарушить запрет мудрецов для неопасного больного лечением, так как мудрецы запретили человеку с некоторым

недомоганием принимать лекарство или лечиться другим обычным способом. Причина этого запрета в том, что во времена мудрецов Мишны больной, который обращался к врачу с просьбой обследовать его и определить, что с ним, получал от врача не только диагноз, но и указания насчет того, какие травы и каким образом нужно приготавливать для лечения. И больной или его семья (а иногда и сам врач) приготавливали лекарство самостоятельно, путем измельчения (перемалывания) трав. Это перемалывание запрещено Торой, поэтому мудрецы запретили принимать лекарства в Шабат из-за опасения, что человек из-за спешки (паники) нарушит запрет измельчать. Постановление трактуется расширительно и включает в себя не только принятие лекарства, но и любое другое лечение, например массаж и т.д., если оно может вылечить от такой болезни. Но на лечение, которое не поможет излечиться, и лишь облегчает страдания, постановление не распространяется, и оно разрешено⁴².

6. Как было сказано, лечение запрещено в ситуации недомогания и небольшой боли, но разрешено в ситуации

(Продолжение)

болезни, даже когда нет опасности⁴³.

7. Все это сказано про прием лекарства, про еду, которую у здоровых людей не принято есть, или про совершение действий, которые определяются как явное лечение. Но еда, которую здоровые люди иногда едят, и совершение действий, которые делают и здоровые люди тоже, не включается в постановление мудрецов, поскольку не очевидно, что это действие делается для лечения. Поэтому тому, у кого легкая зубная боль, разрешено пить спиртные напитки, чтобы при помощи алкоголя немного успокоить эту боль. Но-прополоскать рот водкой или уксусом, а потом выплюнуть запрещено, так как это лечение⁴⁴.

8. В местах, где принято у некоторых здоровых людей пользоваться грелкой - разрешено тому, у кого болит спина или живот, пользоваться грелкой, ведь в таких местах это не считается лечением.

Практические детали, связанные с неопасно больным

1. Разрешается неопасно больному человеку обратиться

к нееврею, что бы он заботился о его нуждах и совершал любые действия, которые требуются для него. Например, сделать рентгеновский снимок, наложить гипс, зажечь свет, отвезти на машине или на лифте, или любое другое действие, которое требуется.

2. Если можно подождать до исхода Шабата и больной не будет страдать от этого и у него не будет ухудшения - нельзя нарушать Шабат для него даже при помощи нееврея⁴⁵.

3. Тому, у кого болит голова, живот, горло или что-нибудь другое, разрешено принимать таблетки, сироп или другое лекарство, только если он чувствует, что все его тело болит, или он вынужден лежать (из-за боли). И даже если до этого еще не дошло, но он заболел в том случае, если не примет лекарство - разрешено ему (сразу) принять лекарство. Еда, которую иногда едят здоровые, разрешена, даже если она облегчает эти боли.

4. Разрешено разрезать таблетку на две части. Также разрешено взять лекарство в форме порошка и приготовить его к употреблению, растворив в воде. Но нужно открывать

его осторожно, чтобы не повредить буквы на упаковке⁴⁶.

5. Больной диабетом, которому нужно попасть на лечение к врачу в Шабат, должен посоветоваться с раввином, можно ли ему это делать и если можно, то каким образом выходить на улицу в Шабат, когда там нет эрува (огражденной шабатней территории).

6. Испытывающему недомогание, но не являющемуся больным, которому врач предписал принимать лекарство на протяжении нескольких дней, и среди них выпал Шабат, а однодневное прерывание лечения может нарушить положительное влияние лекарства - законодатели разрешили ему продолжать принимать таблетки в Шабат⁴⁷.

7. И также человеку, который плохо себя чувствует и подозревает, что, возможно, ему понадобится принять лекарство в Шабат для улучшения самочувствия, можно посоветовать до Шабата смешать лекарство (таблетки, капли или сироп) с водой или другой жидкостью так, что бы не было видно, что там есть лекарство, и, таким образом, это выглядит как просто питье (так же это напомнит ему, что запрещено облегчать без необходимости, ведь разрешили

делать это именно накануне Шабата⁴⁸.

8. Рану без подозрения на инфекцию и т.п., и не сильно болезненную (в такой степени, что человек не считается больным, см. выше главу 3 пункт 4) нельзя лечить в Шабат путем принятия таблеток, намазывания мази (см. ниже п. 9), йода, и т.п. Однако дезинфицировать раны жидким мылом разрешено (по мнению большинства законоучителей, которые разрешают пользоваться жидким мылом в Шабат) при условии, что он не будет пользоваться ватой или губкой, которые выжимаются при использовании.

Из журнала «Мир Торы»
toldot.ru

⁴⁰ «Шулхан Арух» и «Мишна Брура» там же.

⁴¹ «Шулхан Арух» глава 307 параграф 5.

⁴² См. «Шулхан Арух» и «Мишна Брура» там же, параграф 43.

⁴³ «Шулхан Арух» и «Мишна Брура» там же, параграф 17. А относительно того, требуется ли делать это.

⁴⁴ «Шулхан Арух» и «Мишна Брура» там же, параграф 32.

⁴⁵ «Мишна Брура» там же, параграф 46.

⁴⁶ «Орхот Шабат» 122.

⁴⁷ Там же, примечание 179.

⁴⁸ «Орхот Шабат» 131.

Хасидские маисаи

Реувен Пятигорский
Сказка на Хануку

«Когда армия Тухачевского в гражданскую смуту готовилась к своему бесславному походу на Варшаву, многие евреи из тех же мест тоже двинулись на запад. Ночами шли, связав жалкий скарб в узлы; тайком кралась по проселкам, опасаясь близко выйти к большой дороге, где запросто можно было наткнуться на красный дозор, но и не теряя тракта из виду, а ко всему прочему, еще и старательно обходя стороной каждую деревню, чтобы мужики не убили и не ограбили. Так, между двумя опасностями - дорогой и мужиками, и бежали, согнувшись, за проводником, который знал, где можно пересидеть днем, а с темнотой опять подняться и идти, идти, идти. Куда идти-то?»

Представьте себе картину - мы как тени в ночи. Измучены женщины и дети, ничего не видно. Где-то впереди сдвинутый шепот вожакого, за полем лай деревенских собак, страшно! Детям плакать не велят, все валится с ног, снега по колено. Повезло еще, что не холодно, но к утру подморозит, костра не разведешь, мерзнем от собственного пота. И пусть весь поход - на пару дней и ночей, до границы бы дойти, все равно не по себе, зябко и на душе отчаянье: вокруг война, терем родных, что впереди - неизвестно. Главное - выжить.

Идем по снежной целине уже пять часов, силы на исходе. Привал на полчаса, не больше. Надо спешить, где-то здесь стоят войска, по ночам близкая стрельба, если начнут палить - так сразу со всех сторон... Сидим в сугробе, тяжело дышим, собственного пара изо рта боимся. И вдруг реб Ицик, самый пожилой из нашего отряда, потерявший семью, шепотом обращается к проводнику:

- Можно зажечь огонек? Только один, маленький.

- Какой огонек?! - хрипят на него со всех сторон. - Совсем рехнулся. Увидят с дороги!

Сидим в сугробе, тяжело дышим, собственного пара изо рта боимся. И вдруг реб Ицик, самый пожилой из нашего отряда, потерявший семью, шепотом обращается к проводнику:

- Маленький огонек, - отвечает, - крохотный. Сегодня первый вечер Хануки.

Как произнес слово, так мы и притихли, припомним, что и в самом деле сегодня наступает Ханука, а мы забыли в суматохе сборов и побега.

- Нет, - принимает решение проводник, - никаких Ханук! Сидеть тихо и ждать команды, когда снова пойдём.

- Да вот же, - тянет свое реб Ицик, - сарай разрушенный рядом. Войдем на секундочку, зажжем, свеча со мной, посидим как люди - и двинемся дальше.

В лице проводника сомнение, он тоже еврей. Секундочку? Ну, если остальные не против, почему не войти как люди? Мы не против, мы можно сказать, впервые в жизни рискуем остаться без ханукальных огней. Мы вообще рискуем многим, но почему не зажечь, если есть секундочка и свеча?

Заходим, еле дышим, реб Ицик возится со свечой, вернее с двумя, первая «шамаш», чиркает спичками, все на него шикают, он сопит, снова чиркает. Вот осветилось его лицо, он зажигает маленькую свечу, она трещит, огонек чудом держится на худом фитильке. Негромко произносятся благословения, кто-то всхлипывает, отвечаем: «Амен». От зажженной свечи он зажигает вторую, уже закрепленную на ящике. Садимся и молчим пять минут, не меньше, даже проводник сидит с нами, неотрывно смотрит на дрожащий свет, о чем-то вспоминает, и видно, что готов расплакаться, как все мы...

Ничего не поем - опасно, а надо бы пить, так принято, ну да мало ли что принято - смерть ходит вокруг.

И тут в тишине раздаются далекие голоса. Конец, вот она и пришла за нами! К сараю приближается дозор. Надо встать, погасить свечу, бесшумно помахать руками, чтобы развеялся дым и свечной запах, но все сидят, словно неживые. Уже рядом кричат в полную глотку, не по-еврейски. К нам едут конники! Совсем близко. Может быть, не заметят? Но поздно, уже заметили, входят, вернее вваливаются, наполняя воздух чадом горящих факелов и злым простуженным матом. Поймали! Мы сидим, прижавшись друг к другу, как сидим вот уже сотни лет, когда к нам врываются убийцы и бандиты. Главный их бандит, детина в кожаном полушубке, только что с лошади, разгоряченный, с наганом на боку, протискивается вперед, и уже обозначился на его губах первый, самый лютой окрик, как вдруг он замечает нашу свечу.

Реб Ицик пытается прикрыть ее ладонью, но она нависает руку на полпути, в глазах ужас, рот приоткрыт, а пара нет, от страха перестал дышать. Переводим взгляд на детину, тот тоже застыл - стоит и смотрит. Пауза затягивается, уже сзади его подталкивают: ну чо, командир, прикажешь вязать или так порубаем? Он

оглядывается на своих: а ну, братва, наружу! Братва недовольно выходит из сарая, а он стоит над нами, не отводя взгляда от огонька свечи.

Видно, как часто моргает, в глаз попала сажа от факелов. И вдруг - выходит вслед за своими. Слышна команда «по коням!», топот, храп лошадей, крики, все дрожит - и затихает в морозном воздухе: уехали. Мы тихо поднимаемся. Тихо берем свои узлы. Уходим. В свой неизбывный поход.

Чудо Хануки. Кто мог знать, что на нас наткнется отряд свирепого Железняк, матерого вояки и революционера уже во втором поколении? Кто мог предположить, что он явится перед нами, перепуганными беженцами, ровно в тот момент, когда будет зажжена первая свеча? И думалось ли нам, что именно в эту секунду вспыхнет в его революционном мозгу воспоминание далекого детства, когда он сидел в доме своего дедушки, на столе горели такие же огни и вся семья пела торжественный ханукальный мотив? Мы не пели, а он, Железняк, вспомнил - и ушел своей дорогой, чтобы не мешать нам идти своей...

Говорят, есть такая легенда, что внук грозного командира, а может быть, правнук, - родословной нам не показывали, - обитает ныне в Иерусалиме или где-то в соседних селениях. Причем каждый год зимой, с началом последней недели месяца кислев, зажигает в своем доме восьмисвечник.

На Хануку принято рассказывать добрые истории.

Хотя, по правде говоря, неизвестно, насколько добра наша история. Создаем, может быть, все происходило не так: отрядом конников верховодил не революционный командир Железняк, а местный атаман Халуца, обычный бандит - в роду ничего еврейского на двадцать поколений во все стороны. Свечу он даже не заметил. Да и из сарая никого не выпустили, порубали всех тут же, на месте, никто толком крика не издал, даже дети, один реб Ицик только и пытался кого-то ухватить за полу шинели, да быстро остыл. И нету нас теперь - ни нас, ни наших потомков, которым бы жить да жить, строить социализм в России, потом бежать от немцев на восток, обратной дорогой, затем возвращаться и хоронить друг друга, опять как-то жить, устраиваться, робко размножаться, уже никогда не вспоминая про Хануку с ее огнями, переезжать в Израиль (или не переезжать), читать этот рассказ и так далее. Или не читать. Про то, как все обернулось чудом. Ибо, не зайдя мы сюда, в этот промозглый сарай, так убили бы прямо в сугробах при дороге, без свечей, без воспоминаний о мифическом дедушке-еврее и ханукальных гимнах.

Известно только одно: эту историю, вернее сказку, потому что конец счастливый, а других не бывает, услышали мы, оказавшись на Хануку в гостях в израильской семье древнего раввинского рода по фамилии Залезник. Родственники, быть может, или потомки, кто ж теперь установит, спросить абсолютно некого...

«Вестни»
migdala.org.ua

Шабат вокруг земного шара

Ида НЕДОБОРА

Именно теперь, когда сезон каникул и отпусков закончился, а в окно стучится по-зимнему голая ветка, я предлагаю вам отправиться в путешествие. Для нашего странствия вам не понадобится ни чемодан, ни билет, ни виза, а лишь немного фантазии.

«Куда же мы отправимся?» - спросите вы. Крутите глобус! Видите, первая страна, на которую упал наш взгляд - Греция. Отличный выбор. Горы и море, прошлое и современность - все органично сочетается в этой стране. Но нас - еврейских путешественников - интересуют не античные руины, не пасторальные пейзажи. Мы отправляемся знакомиться с древней историей греческой еврейской общины.

С ЧЕГО
ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Впервые исторические пути наших народов пересеклись во времена знаменитого Александра Македонского, а через несколько поколений наши предки стали свидетелями великого чуда Хануки. В те времена евреев, перенявших греческую культуру и образ жизни, презрительно называли «митъявним» (дословно - «эллинизированные»). Но были и те, кто сохранил свою еврейскую самобытность, даже переселившись из любимой Святой Земли на берега Греции. В большинстве своем это были еврейские купцы и ремесленники. Они составили будущее ядро еврейской общины Греции.

Переселившись еще во времена Второго Храма на берега Адриатики, они сохранили собственные обычаи и культуру, не похожие на обычаи ашкеназских и сефардских общин.

Греческие евреи принято называть «романиоты». Этот

Евреи Греции

термин появился в средневековье и произошел от западноевропейского названия Византийской империи - Романия. Зайдя в синагогу романиотов в Шабат, мы увидим такие же свитки Торы, как и у ашке-назим, но порядок молитв, их произношение и напевы будут сильно отличаться от знакомого нам ашкеназского или сефардского нусаха (варианта). А все потому, что романиоты приехали в Грецию почти 2400 лет назад прямо из Эрец Исраэль и привезли с собой обычаи, принятые у евреев тех времен. Поэтому, вслушиваясь в необычные напевы молитв в синагоге романиотов, вы как будто заглядываете за грань тысячелетий - в Святую Землю тех веков.

Самые большие общины романиотов существовали в Афинах, Салониках и Янине. В благополучные годы численность этих общин достигала почти 80 000 человек. Сегодня еврейская община Афин насчитывает около 3000

человек, Салоники - около 2000 и еще около 1000 евреев разбросаны по небольшим городкам греческого полуострова.

Когда-то греческие евреи в основном занимались торговлей, фермерством и ремеслами. Но были среди них и мудрецы Торы, навеки оставившие свой след в еврейской истории, такие как раби Шломо Алькапец (автор знаменитого субботнего гимна «Лехо Доди»), раби Шмуэль бен Моше де Медина (Рашдам или Махарашдам), раби Яков ибн-Хабиб (составитель сборника агадических рассказов из Талмуда «Эйн Яков»). И это лишь несколько великих имен в длинной череде мудрецов - выходцев из святых общин Афин, Салоник и Янины. Часть жизни прожили в общинах греческих евреев раби Йосеф-Хаим Каро (автор «Шулхан арух»), а также, по некоторым мнениям, раби Хида.

dlyatebya.kz
(Продолжение следует)

На кухне у бабушки

Мусака - запеканка с тонкими ломтиками баклажанов, прослоенных мясным фаршем (чаще из баранины), с соусом из томатов и овощей. Рецепты мусаки отличаются друг от друга в зависимости от того, в какой стране ее готовят. Мусака по-гречески - это сытное вкусное блюдо, которое украсит любую семейную трапезу, при условии, что вы любите баклажаны, потому что без баклажанов мусака невозможна.

Мусака по-гречески

ИНГРЕДИЕНТЫ:

Для мусаки 500 г мясного фарша, 2 больших луковицы, 3-4 больших картофелины, 2-3 баклажана, соль, черный перец, кориандр, орегано - по вкусу.

Для соуса Бешамель 3 ст. ложки оливкового масла, 4 ст. ложки муки, 750 мл горячего куриного бульона или горячей воды, 0,5 ч. ложки молотого мускатного ореха, соль, черный перец, 2 сырых яичных желтка.

Разогрейте духовку до 190°. Нарежьте кружочками картофель, баклажаны и лук и обжарьте их по отдельности на сковороде.

На дно большой формы для выпечки положите жареный картофель. Сверху слоями выложите баклажаны, мясной

фарш, жареный лук и еще один слой жареных баклажанов.

Для приготовления соуса разогрейте в кастрюле оливковое масло, добавьте муку и перемешивайте до тех пор, пока мука не станет легко отделяться от стенок и дна кастрюли. Добавьте горячий бульон

или горячую воду, молотый мускатный орех, соль и перец. Перемешайте и снимите с огня. Добавьте в получившуюся смесь желтки и хорошо перемешайте. Получившийся соус вылейте на мусаку и поставьте в духовку на 30-40 минут.

dlyatebya.kz